

Лу Цзяньян только начал размышлять, как вдруг вспомнил, что манга «Наруто», которую в его прошлой жизни называли одной из трех главных «народных» манг, на момент его пребывания в детском саду еще даже не была создана. А раз так, не означает ли это, что он может заранее инвестировать в нее и, пользуясь своим влиянием, не дать мангаке убить его любимого персонажа?

Возможно, из-за невольного сочувствия Лу Цзяньян поймал себя на желании защитить этого беловолосого ребенка.

Нет, нет, Лу Цзяньян заставил себя сосредоточиться на текущем моменте.

У того, чтобы снова стать маленьким, были свои минусы: Лу Цзяньян часто чувствовал, что его эмоции не так легко контролировать, как в зрелом возрасте, когда он прошел через огонь и воду. Но, по крайней мере, он все еще мог держать себя в руках.

Лу Цзяньян не помнил, были ли у того беловолосого ребенка, которого он встретил в детстве, такие же белые глаза, но он мог на сто процентов утверждать одно: тот не был таким ненормально восторженным, как этот мальчишка сейчас.

Беловолосый мальчик, подняв руку, махал Лу Цзяньяню. Меньше чем за одну десятую секунды его лицо преобразилось: бесстрашие сменилось сияющей улыбкой, словно весенние цветы распустились под лучами солнца. Он отчаянно махал рукой, будто они были старыми добрыми знакомыми.

Лу Цзяньян был застигнут врасплох и, помедлив, указал на себя:

— Ты мне машешь?

Увидев, что Лу Цзяньян откликнулся, беловолосый мальчик обрадовался еще больше. Его глаза, и без того отливавшие серебром, вспыхнули ярким блеском, а вокруг него, казалось, заплясали розовые сердечки. Мало того, он безошибочно назвал его по имени:

— Яньян.

Ранняя весна, дымка ивы, обманчивое тепло. В их первую встречу он смотрел на него так, словно встретил старую любовь, и никого вокруг больше не замечал.

Лу Цзяньян подумал: «Черт, еще один Исполнитель задания!»

Судя по его «крутому» образу, по этому чересчур восторженному поведению, а главное — по тому, что он появился в такой подозрительный момент, могло ли быть иное объяснение, кроме того, что перед ним Исполнитель?

Нет!

Решил разыграть карту «друзей детства»? Использовать его любимого персонажа, чтобы первым привлечь внимание и вызвать эмоциональный отклик? Ха!

Лу Цзяньнянь, не раздумывая, отвернулся и, потянув за собой Лоу Дэнсяня, который все еще грезил о своем «ледяном принце», собрался уходить. В этот момент он мог только притвориться, что этого ребенка не существует, иначе он не сдержался бы и ударил его. Ему даже улыбку поддерживать не хотелось.

Возможно, под влиянием первого встреченного Исполнителя, Лу Цзяньнянь больше всего ненавидел, когда к нему пытались подступиться, используя его предпочтения. Это было для него оскорблением. Если бы он и мог кого-то полюбить, то это был бы человек сам по себе, а не потому, что у них общие интересы.

Лу Цзяньнянь понимал, что судит предвзято, но ничего не мог с собой поделать — да и не хотел.

Беловолосый мальчик, увидев, что Лу Цзяньнянь уходит, засуетился, вырвался из рук воспитательницы и, не обращая внимания ни на что, бросился к нему. Он оттолкнул пухлого Лоу и, обхватив Лу Цзяньняня, прижался к нему. От мальчика исходил холодный аромат, смешанный с легким дуновением ветра. Он крепче сжал объятия, будто хотел слиться с Лу Цзяньнянем воедино.

Но на его изящном личике было написано не торжество, а обида, словно это его предали:

— Яньнянь, почему ты меня игнорируешь?

— Мы знакомы? — Лу Цзяньнянь опешил. Обычно, когда Исполнитель приближался к нему ближе чем на метр, он «видел» Систему. Но сейчас, несмотря на близость, ничего не происходило.

Неужели он ошибся? Или появился какой-то более совершенный Исполнитель с продвинутой Системой?

— Я же живу по соседству, Яньнянь! Меня зовут Яо Ухуань. Папа сказал, что мы станем лучшими друзьями, как только увидимся! — Яо Ухуань не забыл подчеркнуть свои слова кивком и с надеждой посмотрел на Лу Цзяньняня. — Мы теперь лучшие друзья?

— А! — Лу Цзяньнянь прозрел. Похоже, его отец все-таки устроил ту чертову встречу, а родители этого ребенка оказались еще более странными, раз с порога заявили сыну, что тот станет лучшим другом соседа.

Что в итоге?

Конечно, Лоу Дэнсянь, которого оттолкнули, не стерпел. Хотя Яо Ухуань был в два раза уже Лоу, силы у него было немало — рука пухлого малыша онемела от толчка. Лоу Дэнсянь с

трудом поднялся с пола, плача и пытаясь оторвать Яо Ухуаня от Лу Цзяньняня. Ему уже было не до ледяного принца — чувство потери друга затмило всё.

Пухлый Лоу с враждебностью рявкнул на Яо Ухуаня:

— Я лучший друг Яньняня! Отпусти его! Ты делаешь ему больно!

Яо Ухуань проявил детское упрямство: он вцепился в Лу Цзяньняня мертвой хваткой и, несмотря на живую мимику, оставался непреклонен:

— Не отпущу! Яньнянь мой!

Лу Цзяньнянь, ставший объектом борьбы, мысленно отметил, что ничьим быть не хочет — спасибо, он принадлежит только самому себе.

В конце концов, этот балаган прекратился после вмешательства воспитательницы. Лу Цзяньнянь стоял посередине, держа каждого за руку, пока их отводили в сторону, чтобы выяснить обстоятельства.

Кто этот новый мальчик? Почему он в их детском саду? Знает ли Лу Цзяньнянь его родителей?

Лу Цзяньнянь подумал: «Вы сами ничего не знаете? Тогда почему так спокойно приняли его от водителя и водили с собой целый день?»

Воспитательница тоже была в отчаянии. Она знала, что сегодня придет переведенный ребенок, но из-за спешки для него не успели сделать пропуск. Директор предупредила присматривать за новичком. И вот, встретив водителя на роскошном авто с ребенком в брендовой одежде, она приняла его за того самого новенького.

Кто же мог подумать, что настоящий новичок с родителями уже отправился в кабинет директора?

Водитель Яо Ухуаня исчез, а сам ребенок, только что приехавший из-за границы, едва мог объясниться. Воспитательница не могла бросить ребенка, поэтому ей пришлось присматривать за ним, пока не найдутся родители.

Лу Цзяньнянь знал лишь, что Яо Ухуань — сосед, но даже не знал фамилии соседей. Сам Яо Ухуань на все вопросы отвечал молчанием, притворяясь, что плохо знает китайский, и лишь упомянул, что отца зовут Цезарь.

Лу Цзяньнянь чувствовал, что Яо Ухуань лжет: ребенок свободно общался с ним на китайском, а перед воспитательницей вдруг «забыл» язык.

Было и другое странное обстоятельство: стоило Яо Ухуаню и Лоу Дэнсяню сходить в туалет, как Лоу вернулся совершенно пришибленным, словно увидел монстра. Для всегда бесстрашного Лоу это было крайне нетипично.

Но при этом взгляд Яо Ухуаня, направленный на Лу Цзяньняня, был кристально чистым и послушным. Кроме странной привязанности, он не совершал ничего, что выбивалось бы из образа ребенка.

Казалось, у него на лбу было написано «безобиден».

— Яньнянь? — стоило Лу Цзяньняню посмотреть на него, как Яо Ухуань начинал сиять от восторга.

В конце концов, учителя сделали всё возможное, чтобы связаться с родителями Яо Ухуаня, но безрезультатно. Родители Лу Цзяньняня были недоступны, и в итоге удалось связаться лишь с одним из младших родственников семьи Лу, который был правой рукой отца.

Тот подтвердил, что соседи действительно по фамилии Яо, у них есть сын, ровесник Лу Цзяньняня, с рождения болезненный. Семья Яо была очень влиятельной, долго жила за границей и недавно вернулась в страну.

Родственник попросил присмотреть за ребенком один день, пообещав, что вечером его заберет водитель семьи Лу. Он дал понять: с семьей Яо лучше не ссориться, а семье Лу не помешает наладить с ними добрые отношения.

Лу Цзяньнянь, которого также попросили подойти к телефону, услышал наставление от дяди:

— Пятнадцатый дядя знает, что Яньнянь самый рассудительный. Ты ведь присмотришь за мальчиком, правда? На тебя можно положиться, верно?

Лу Цзяньнянь терпеть не мог быть ребенком, потому что все взрослые считали, что детей легко обмануть. Но в ситуации с Яо Ухуанем он решил не лезть на рожон: любопытство можно удовлетворить позже, а сейчас важнее присмотреть за мальчиком.

— Яньнянь — сокровище! Ты такой молодец! Если справишься, дядя купит тебе трансформера, хорошо?

В тот день Лу Цзяньнянь вспомнил весь ужас «поощрительного воспитания» взрослых, когда его вечно задабривали фразами вроде «Яньнянь самый лучший». Чтобы не ударить в грязь лицом, он с достоинством ответил:

— Что ж, я подумаю над предложением с трансформером.

После разговора Лу Цзяньнянь задумался о семье Яо. Он вспомнил, что в его прошлой жизни (да, он до сих пор считал, что переродился) семья Яо внезапно свернула бизнес в стране, упустив огромные возможности. Он посмотрел на Яо Ухуаня, который прилип к нему, как пластырь. Несомненно, этот ребенок был из главной ветви семьи, и их уход с рынка был как-то связан с ним.

Кажется, этот упущенный в детстве друг таит в себе немало секретов.

Яо Ухуань склонил голову, и его белые волосы красиво рассыпались:

— Яньнянь, на что ты смотришь?

— Смотрю, какой ты красивый, — машинально ответил Лу Цзяньнянь, привыкший к пикировкам с младшим братом.

Яо Ухуань, в отличие от бесстыжего Лу Цзяньняня, тут же залился краской. Его бледное лицо, на котором проступали капилляры, окрасилось в цвет заката. Он смущенно, но твердо посмотрел на Лу Цзяньняня:

— Яньнянь тоже очень красивый, как принцесса!

Лу Цзяньнянь:

— ...Спасибо.

Так как Яо Ухуань ни в какую не хотел расставаться с Лу Цзяньнянем, он остался в его группе. В целом он был послушным, если не считать того, что стоило Лу Цзяньняню попытаться отойти, как мальчик начинал устраивать истерики, становясь опасным для всех окружающих.

К обеду Яо Ухуань уже заработал себе «дурную славу» в классе.

Лу Цзяньнянь временно отложил подозрения насчет Яо Ухуаня, так как встретил другого кандидата на роль Исполнителя.

Мир, переполненный Исполнителями, от которых никуда не деться.

Этот новый Исполнитель, похоже, выбрал путь «душевного тепла», но он не знал, что на его пути встал настоящий, «потерянный» друг детства в лице Яо Ухуаня.

Всё началось с того, что детский сад действительно принял нового ученика. И этот ученик пришел со своим отцом, который собирался устроиться сюда учителем. Отец и сын выглядели как персонажи из совершенно другой истории.

Яо Ухуань, прижавшись к Лу Цзяньняню, холодно произнес, глядя на новенького по имени Ли Сян:

— Не подходи. От тебя пахнет бедностью, меня тошнит.

Сказано это было грубо, даже жестоко, но весьма точно. Отец и сын, внезапно переведенные в сад, излучали атмосферу «я беден, но горд, я не такой, как вы, богатые выскочки».

Похоже, этот Исполнитель решил выбрать путь «философских поучений». Лу Цзяньнянь тяжело вздохнул. Неужели у него на лице написано «проблемный ребенок с детскими травмами»? Почему каждый второй Исполнитель хочет «согреть его любовью»?

Он! Действительно! Не нуждается в любви! Спасибо!

Учителя по фамилии Ли звали Ли, он носил старомодные очки в черной оправе и чистую белую рубашку, от которой, впрочем, не веяло ни солнцем, ни чистотой. Его сын Ли Сян, как родственник сотрудника, был зачислен в ту же группу.

В тот момент, когда они появились, Лу Цзяньнянь услышал болтливую Систему. Она была самой шумной из всех, что он встречал. К сожалению, из-за того, что цели были слишком близко, он не мог понять, кому именно принадлежит голос.

[А-а-а, смотрите, Лу Цзяньнянь! Живой! Дышащий! Самый сложный персонаж для прохождения, герой, на котором сломались тысячи элитных Исполнителей!]

[Я почти стал его фанатом! Нет, я и есть его фанат! Примите любовь ИИ! Моя любовь! Сердечко тебе!]

[Смотри на меня, смотри на меня!]

[О, Лоу Дэняня нет? Он младше на год, не в этой группе. Персонаж, помеченный как «недоступный». Не пугаю, но с ним лучше не связываться.]

[Потому что Лоу Дэнянь уже забронирован. Это же человек, которого называют богом!]

Лу Цзяньнянь не понял: то ли Лоу Дэнянь — человек, которого называют богом, то ли он — «бог среди людей»? Это было важно! Справиться с Исполнителями было достаточно сложно, и он не хотел, чтобы его жизнь из научной фантастики превратилась в фэнтези.

Но болтливость Системы была ему на руку.

[А, Яо Ухуань!]

<http://bllate.org/book/21642/2233347>